

---

¹ без покровительства которых эта книга не увидела бы свет (*лат.*).

ПРОЛОГ

РАССУЖДАЯ ЗАДНИМ ЧИСЛОМ, удивляться было нечего. Ибо история Общества Иисуса полна отчетов о ловких и эффективных операциях, исследованиях и изысканиях. Во времена, которые европейцы пожелали именовать Веком географических открытий, священники-иезуиты никогда не отставали более чем на один-два года от тех, кто первыми вступал в контакт с доселе неведомыми народами; более того, иезуиты нередко находились в самом авангарде исследователей.

Организации Объединенных Наций потребовалось несколько лет для того, чтобы прийти к решению, которое Общество Иисуса приняло за десять дней. Заседавшие в Нью-Йорке дипломаты в долгих дебатах, со многими перерывами и не менее многочисленными постановками вопроса обсуждали, следует ли, а если следует, то по какой причине, расходовать ресурсы Земли на попытки установления контакта с далеким миром, уже начинавшим тогда приобретать имя Ракхат, в то время, когда Земля не в состоянии удовлетворить собственные насущные потребности. Ну а в Риме речь шла не о всяческих «зачем и почему», но о том, когда можно будет послать миссию и кого именно следует включить в ее состав.

Общество не интересовалось мнениями отдельных, временных по своей сути правительств стран мира. Оно руководствовалось собственными принципами, пользовалось собственны-

ми средствами, полагаясь на авторитет Папы. Миссия на Ракхат была организована не столько секретным, сколько приватным образом — различие тонкое, однако из тех, которых Обществу не было необходимо объяснять или оправдывать по прошествии нескольких лет, когда новость эта стала известной.

Ученые-иезуиты отправились в космос, чтобы изучать, а не чтобы проповедовать. Они отправились для того, чтобы познакомиться с другими детьми Господа и полюбить их. Они отправились, следуя тем же причинам, которые всегда заставляли иезуитов находиться на переднем краю человеческого познания. Они отправились *ad majorem Dei gloriam*: ради вящей славы Бога.

Они не имели в виду ничего плохого.

ГЛАВА 1

Р И М

Декабрь 2059 года

СЕДЬМОГО ДЕКАБРЯ 2059 ГОДА Эмилио Сандоса посреди ночи выписали из реанимации госпиталя Сальватора Мунди и в хлебном фургоне переправили в резиденцию Ордена Иезуитов, находящуюся по адресу дом пять Борго Санто Спирито, в нескольких минутах пешей ходьбы через площадь Святого Петра от Ватикана. На следующий день представитель Ордена, не обращая внимания на град вопросов и возгласы негодования разгневанной и разочарованной толпы разного рода журналистов, собравшейся перед массивной входной дверью дома номер пять зачитал следующее краткое сообщение:

«Насколько нам известно, падре Эмилио Сандос является единственным уцелевшим участником миссии, посланной Орденом Иезуитов на Ракхат. Еще раз выражаем свою благодарность Организации Объединенных Наций, консорциуму «Контакт» и Астероидному горнопромышленному отделению корпорации Обаяши, сделавшим возможным возвращение падре Сандоса. Мы не располагаем дополнительной информацией относительно судьбы остальных членов экипажа, посланного консорциумом «Контакт», но постоянно молимся за них. Падре Сандос в настоящее время слишком болен для участия в любых интервью, и для выздоровления его потребуется несколько месяцев. Поэтому до его полного выздоровления не может быть никаких комментариев относительно миссии Ордена или заяв-

лений консорциума относительно действий падре Сандоса на Ракхате».

Заявление это предназначалось для того, чтобы оттянуть время.

Конечно же, Сандос был болен. Все его тело покрывали синяки кровоизлияний, оставленных лопнувшими крошечными кровеносными сосудами. Десны его более не кровоточили, однако должно было пройти еще какое-то время, прежде чем он смог бы питаться нормальным образом.

Наконец, следовало что-то сделать с его руками.

Однако последствия цинги, анемии и переутомления заставляли его спать по двадцать часов в сутки. Проснувшись, беспомощный, как новорожденное дитя, он лежал без движения, свернувшись клубком.

В те первые недели его пребывания в резиденции Ордена дверь в его каморку почти не закрывалась. Однажды, решив, что полотеры, натиравшие полы в коридоре, помешают отдуху падре Сандоса, брат Эдвард Бер закрыл эту дверь, вопреки строгому запрету, данному персоналом госпиталя Сальватора Мунди. Сандос как раз не спал и обнаружил, что его заперли. Брат Эдвард более не повторил эту ошибку.

Брат Винченцо Джулиани, генерал Общества Иисуса, каждый день заглядывал в палату, посмотреть на Сандоса. Джулиани понятия не имел, знает ли Сандос, что за ним наблюдают, хотя тот давно уже привык к этому чувству. В юности, когда Отец-генерал еще был всего лишь простым Винсом Джулиани, личность Эмилио Сандоса, на год опережавшего Джулиани на десятилетней стезе священнического образования, завораживала его. Он был странным юношей, этот Сандос. И загадочным мужчиной. Карьера Винченцо Джулиани как государственного деятеля основывалась на понимании людей, но именно этого человека он никогда не мог понять.

Визирая на Эмилио, больного и почти немого, Джулиани понимал, что Сандос не сумеет поделиться своими секретами в ближайшее время. И это не смущало его. Винченцо Джулиани был человеком терпеливым. Иначе невозможно преуспевать

в Риме, где время измеряется не веками, но тысячелетиями, где терпение и дальновидность всегда являлись характерной чертой политической жизни. Город этот наделил собственным именем силу терпения — *Romanità*.

Romanità исключает эмоции, спешку, сомнения. *Romanità* ждет, считает мгновения и действует со всей беспощадностью в нужную минуту. *Romanità* зиждется на абсолютной уверенности в конечном успехе и возникает из единственного принципа: *Cunctando regitur mundus* (Промедление правит миром).

Так что даже по прошествии шестидесяти лет Винченцо Джулиани не ощущал ни капли нетерпения по поводу того, что не в состоянии понять Эмилио Сандоса, но лишь предвкушал удовольствие от того, что однажды ожидание оправдает себя.

* * *

ЛИЧНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ОТЦА-ГЕНЕРАЛА Ордена связался с патером Джоном Кандотти в День памяти вифлеемских младенцев, через три недели после прибытия Эмилио в дом № 5.

— Сандос достаточно хорошо восстановился для того, чтобы поговорить с вами, — сообщил Кандотти Иоганн Фелькер. — Будьте здесь в два часа.

«В два часа!» — с раздражением думал Джон, шагая к Ватикану от приюта, в котором ему только что выделили душную комнатенку с видом на городскую стену Рима — кладка располагалась в считанных дюймах от бесполезного окна.

После приезда Кандотти уже приходилось пару раз общаться с Фелькером, и он с самого начала проникся неприязнью к австрийцу. Впрочем, Джону Кандотти было не по душе все связанное с новым поручением.

Начнем с того, что он вообще не понимал, почему его привлекли к этому делу. Не будучи юристом или ученым, Джон Кандотти удовлетворялся расположением на непрестижном краю иезуитской поговорки: публикуйся или погибай, и он уже по колено увяз в составлении рождественской программы для сред-

ней школы, когда начальник позвонил ему и приказал в конце недели лететь в Рим: «Отец-генерал хочет, чтобы вы помогли Эмилио Сандосу».

И все, никаких подробностей. Джон, конечно, слышал о Сандосе. А кто не слышал о нем? Однако он совершенно не понимал, каким образом может быть полезен этому человеку. Попросив объяснений, он не добился внятного ответа. Он не имел никакого опыта в подобного рода занятиях: в Чикаго всякие тонкости и окольные пути не в ходу.

Кроме того, дело было еще и в самом Риме. На импровизированной прощальной вечеринке все так волновались за него: «Это же Рим, Джонни! Со всей этой историей, с этими прекрасными церквями и произведениями искусства». Он и сам был взволнован, тупой дурак. Но что он знал?

Джон Кандотти родился в Штатах — среди прямых улиц и прямоугольных коробок-домов; Чикаго никак не мог подготовить его к римским реалиям. Хуже всего бывали моменты, когда он уже видел крышу здания, куда ему хотелось попасть, однако улица, по которой он шел, начинала загибаться в другую сторону, приводя его на очередную очаровательную пьяццу с прекрасным фонтаном на ней, открывавшую перед ним новый, невесть куда ведущий переулок. Стоило только выйти на улицу — и Рим принимался ловить его и обманывать своими холмами, бесконечными переплетениями кривых улочек, пропахших кошачьей мочой и томатным соусом. Он не любил плутать и постоянно путался в этом лабиринте. Он не любил опаздывать и постоянно опаздывал. И первые пять минут после любой встречи Джон всегда извинялся за опоздание, а римские знакомые уверяли его в том, что этот факт их не смущает.

Тем не менее он ненавидел себя за это и поэтому все ускорял и ускорял шаг, стремясь разнообразия ради явиться вовремя в резиденцию Ордена, пусть и в сопровождении прицепившейся по пути свиты из несносных малышей, с шумным восторгом смеющихся над его костлявой фигурой, длинным носом, лысиной, раздувающейся на ветру сутаной и машущими при ходьбе руками.

* * *

— ПРОСТИТЕ МЕНЯ за то, что заставил вас ждать. — С этой фразой Джон Кандотти обращался к каждому встречному на пути к комнате Сандоса и, наконец, к нему самому, после того как брат Эдвард Бер провел его в комнату и оставил их наедине.

— Снаружи до сих пор стоит умопомрачительная толпа. Они когда-нибудь уходят отсюда? Я — Джон Кандотти. Отец-генерал попросил меня помочь вам приготовиться к слушаниям. Рад знакомству. — Он неосознанно протянул вперед руку и, вспомнив, неловко отвел ее в сторону.

Сандос не приподнялся из поставленного возле окна кресла и как будто бы даже не захотел или не смог посмотреть на Кандотти. Джон, конечно же, видел архивные фото Сандоса, но тот оказался много меньше и худощавее, чем он ожидал; к тому же старше, но все же не настолько, насколько следовало бы. Прикинем: семнадцать лет в пути туда, почти четыре года на Ракхате, еще семнадцать лет обратного пути, однако следовало учесть релятивистские эффекты перемещения со скоростью, близкой к световой. По мнению врачей, Сандоса следовало считать примерно сорокапятилетним, хотя он был на год старше Отца-генерала. Судя по внешности, ему пришлось перенести трудные годы.

Молчание продолжалось. Стارаясь не смотреть на руки Сандоса, Джон пытался понять, не следует ли ему уйти. Впрочем, для ухода еще слишком рано, подумал он, Фелькер будет в ярости. И тут губы Сандоса наконец шевельнулись:

— Англия?

— Америка, отец мой. Брат Эдвард англичанин, но я американец.

— Не так, — чуть помолчав, продолжил Сандос. — *La lengua.* Английский язык.

Вздрогнув, Джон понял, что неправильно истолковал слово.

— Да, я немного говорю по-испански, если так вам будет удобнее.

— Это было сказано по-итальянски, *creo. Antes* — до того то есть. В госпитале. *Сипаж* — *si yo...* — Он умолк, чтобы не

разрыдаться, но овладел собой и уже осознанно проговорил: — Будет легче... если я все время буду слышать... только один язык. Английский сойдет.

— Конечно. Без проблем. Ограничимся английским, — ответил потрясенный откровением Джон. Никто не говорил ему, что Сандос настолько плох. — Этот мой визит будет коротким, отец мой. Я хотел только познакомиться и посмотреть, как вы поживаете. С подготовкой к слушаниям можно не торопиться. Не сомневаюсь, что их можно будет отложить до тех пор, пока вы поправитесь настолько, чтобы...

— Чтобы что? — переспросил Сандос, впервые посмотрев прямо на Кандотти. Изрезанное глубокими морщинами лицо, высокая переносица, наследие индейских предков, широкие скулы, стоицизм. Джон Кандотти не мог представить себе этого человека смеющимся.

Чтобы вы могли защитить себя, намеревался сказать Джон, однако мысль показалась ему банальной.

— Чтобы объяснить, что произошло.

Внутри резиденции царила ощутимая тишина, что было особенно заметно возле окна, сквозь которое доносился бесконечный карнавальный шум города. Какая-то гречанка отчывала своего ребенка. Около двери резиденции бродили туристы и репортеры, перекрикивавшие шум такси и постоянный гомон Ватикана. Переговаривались строительные рабочие, скрежетали их механизмы, шел непрестанный ремонт, не позволяющий Вечному городу рассыпаться в прах.

— Мне нечего сказать. — Сандос снова отвернулся. — Я должен выйти из Общества.

— Отец Сандос... Отче, неужели вы считаете, что Общество позволит вам уйти, не объяснив то, что случилось? Вы вправе не хотеть никаких слушаний, однако все, что может произойти в этих стенах, ничтожно по сравнению с тем, что эти люди обрушат на вас, как только вы выйдете из этой двери, — сказал Джон. — Но если мы поймем вас, то сможем помочь... или облегчить для вас ситуацию.

Ответа не последовало, только профиль Сандоса на фоне окна сделался чуть более жестким.

— Ну ладно. Я вернусь через несколько дней. Когда вы почувствуете себя лучше, так? Могу ли я что-нибудь принести вам? Или связаться с кем-то по вашему поручению?

— Нет. — В голосе не угадывалось внутренней силы. — Благодарю вас.

Подавив вздох, Джон направился к двери. Взгляд его упал на крышку небольшого бюро, где лежал рисунок, выполненный на чем-то вроде бумаги, каким-то подобием чернил. С рисунка на него смотрела группа ВаРАКХАТИ. Лица, полные достоинства и несомненного обаяния. Необычайные глаза, окруженные пушистыми ресницами, защищающими от ослепительного света. Забавная деталь... Интересно, как можно понять, что существа эти необыкновенно красивы, если ты незнаком с нормами их красоты?

Джон Кандотти взял в руку рисунок, чтобы внимательнее рассмотреть его... Сандос вскочил и сделал два шага в его сторону... Сандос, едва ли не вполовину меньше его и к тому же еще полуохлаждий... однако Джона Кандотти, ветерана чикагских уличных баталий, отбросило от бюро. Ощущив спиной стену, он прикрыл смущение улыбкой и положил рисунок на место.

— Красивый народ, надо признать, — проговорил он, пытаясь развеять неведомую эмоцию, владевшую стоявшим перед ним человеком. — Э... люди на этой картинке... ваши друзья, похоже?

Сандос попятился, разглядывая Джона и словно просчитывая его реакцию. Свет от окна зажег ореол его волос и скрыл выражение лица. Если бы в комнате было светлее или если бы Джон Кандотти лучше знал этого человека, он мог бы заметить уродливую, но торжественную гримасу, предшествовавшую утверждению, которым Сандос рассчитывал развеселить и разгневать своего оппонента. Помедлив, он наконец отыскал нужное слово.

— Коллеги, — проговорил он наконец.